

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ С ПОЗИЦИИ МОДЕЛИ ЛОГИКИ

CULTURE AND CIVILIZATION FROM A LOGIC MODEL STANDPOINT

Бутов А.Ю.

Старший научный сотрудник лаборатории литературного творчества ФГНУ ИХО РАО, доктор педагогических наук, профессор

E-mail: fomenkoav@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь характера цивилизации и института образования и воспитания в зависимости от реализации индуктивного и дедуктивного подходов. В ходе анализа периода античности прослеживается процесс становления образования на основе принципа, метода индукции и формальной логики и его общемировоззренческий смысл и значение. Процесс развития культуры до цивилизации предполагает переход от доминанты дедуктивного подхода в отношении мировоззрения к реализации индукции.

Ключевые слова: логика, мировоззрение, образование, античность, ценности, культура, личность, развитие, эволюция, цивилизация.

Butov A.Y.

Senior research fellow at the Laboratory of Literary Creativity of the Institute of Art Education of the RAE, Doctor of science (Education), Professor.

E-mail: fomenkoav@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the interconnection between the nature of civilization and the institute of education, depending on the implementation of inductive and deductive approaches. The analysis of antiquity traces the process of formation of education on the basis of the principle and method of induction and formal logic and its common ideological meaning and significance. The process of cultural development into a civilization presumes a transition from a dominant of a deductive approach to worldview formation to the implementation of induction.

Keywords: logic, philosophy, education, antiquity, values, culture, individuality, development, evolution, civilization.

Современную эпоху отличает отсутствие целостного и системного мировоззрения, что, соответственно, предполагает и отсутствие ясной, внятной логики развития общества. В наше время человек не знает и не представляет себе четко и определенно, кто он, какова его природа, зачем и для чего он живет. «...Вместо того чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные

ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты», – отмечал выдающийся психолог второй половины XX века Виктор Франкл [13]. Не обладая целостной картиной мира, человек, соответственно, не может определить и своего места и значения в нем. Конечно, сложно двигаться неведомо куда и непонятно для чего, зачем. «Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты», – подчеркивал В. Франкл [13].

Эта ситуация свидетельствует о наличии процесса рассогласования системного порядка, проявляющегося в падении нравственности и общественных кризисов. В этой связи совсем не удивительно, что преимущественным в современном обществе является частный, индивидуальный, отдельный интерес, практически лишенный сколько-нибудь общего, глобального и целостного смыслового значения.

В современном обществе преобладает и господствует материальный фактор, или фактор материальной стимуляции, по своей природе очень сильный, как и непосредственно само начало гедонизма, на котором он практически основан. Соответственно, учитывая сам характер мотивации, этому фактору чрезвычайно трудно что-либо противопоставить, так как он имеет чувственно-эмоциональное начало, оказывающее значительное влияние на личность. Воздействовать на личность с точки зрения ее гармонизации в целях преодоления подобного влияния здесь можно, очевидно, только через столь же сильное влияние или начало непосредственно витального характера, например, посредством мироощущения и возможностей, которые реализуемы в сфере здоровья и обеспечения целостности личности, присущего ей внутреннего универсализма, как предоставляющих человеку способ обеспечить достижения, ему прежде явно не доступные. В противном случае дальнейшее усугубление ситуации грозит наступлением катастрофизма, что, разумеется, опасно при современном уровне развития производительных сил цивилизации. Даже кризис и крушение Рима в свое время был способен привести к такому сильному падению культуры, общих цивилизационных достижений, что процесс их восстановления занял не одно столетие, по сути завершившись только лишь в эпоху Ренессанса. По сравнению с этим периодом несложно представить себе масштаб общего падения и регресса, случись неожиданно подобный кризис в сегодняшних условиях, не говоря уже о сроках по его преодолению. Вполне понятно без особых объяснений, что сегодня мы просто не можем себе этого позволить, поэтому сам процесс перехода к новому характеру культуры должен быть постепенным, опирающимся на наличие мощной социальной мотивации. Разумеется, наличие такого перехода совсем не отрицает факта приближения и наступления кризиса, который вполне вероятно и закономерно будет, но все-таки необходимо свести его влияние к минимуму.

Причина господства материального фактора заключена не в утрате значения религии или уменьшении ее роли, как это может показаться лишь на первый и самый общий взгляд. Современное европейское общество продолжает оставаться сформированным в системе христианской веры и под ее культурным влиянием, поскольку его изначальная, сущностная, смысловая сфера подчинена вопросам собственно религиозного характера.

До введения христианства господствовал исторически сложившийся подход к мирозданию, при котором природа человека мыслилась как эквивалентная и близкая природе

окружающего мира. Подобная позиция предполагала построение отношений человека с миром на основе утверждения их изначального единства и подобия. При этом каждое из двух рассмотренных начал фактически содержит и воспроизводит через себя начало другое. И сами отношения решались на основе принципа подобия и соответствия – изоморфизма. В сущности, сам человек имел природу, родственную мирозданию в целом, и благодаря этому отпадали возможные противоречия.

Фактор социальных отношений не являлся в данном случае определяющим, поскольку единства с природой и уподобления ей человек достигал через себя, выступая в качестве ее отражения. Для осознания этого служила вся система отношений. Но опять же это были, прежде всего, отношения человека к природе и с природою, во-первых, а во-вторых, конечно, отношение к самому себе как к порождению природы и, соответственно, осознание себя как ее отражения. Человек, прежде всего, должен был сам совершенствоваться телесно и духовно, органично, во взаимодействии с природой. Если сам человек был отражением природы, космоса и мира, то сообразно этому он должен был постичь закон взаимосвязи, сознавая, постигая этот мир как бы через себя. Это, по сути, ставило его перед задачей изучения мира на основе характерных для нее закономерностей и принципов. Подобный путь, конечно, замыкал в определенной мере человека на себе как на отражении и воплощении начал и сил природы, мира, потому что вместе с самим человеком для него самого, по сути, переставал существовать и весь остальной окружающий его мир. Поэтому и человек должен был, прежде всего, совершенствовать себя самого, ставя себя в центр отношений во Вселенной.

На рубеже первого тысячелетия нашей эры представленный антропоориентированный и антропоцентрический взгляд на мир и человека под влиянием христианства постепенно уступает свое место воззрениям социоориентированного, социоцентрического плана. При реализации подхода к культуре социоориентированного плана в центр ставится система или принцип социальных отношений в обществе, что, соответственно, приводит к социоцентризму.

С новых позиций антропоориентированная установка заменяется идеей и началом отношения к ближнему как базовой основы для строительства общественной системы. Влияние религии способно было обеспечить взгляд на мир и человека преимущественно ярко выраженного социо-, а не антропоориентированного плана и характера, вследствие чего вопрос о связи человека с миром и его природой оставался в своей сути не решенным. Именно такой социоориентированный подход и утверждал Иисус Христос, когда провозгласил: «Возлюби ближнего своего, как самого себя!».

При внимательном анализе Ветхого и Нового Завета становится достаточно очевидно, что основные их заповеди изначально ориентированы на построение и регуляцию системы социальных отношений, знаменуя собой основание и начало социоориентированного подхода в жизни общества, а не понимание проблемы связи человека с миром с точки зрения присущей им общей природы. Ориентация Ветхого и Нового Завета на построение системы социальных отношений – наиболее характерное отличие их от основных учений древности, в центре которых находилось понимание системы мироздания. Непосредственно об этом и свидетельствует содержание заповедей «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и др. [2].

В результате характерная для понимания традиции система отношений «человек и мир» посредством религии была заменена на отношения «человек – человек», или же в целом «человек и социум». При этом задача заключалась не только в том, чтобы сориентировать людей на отношения друг с другом. По сути отрицалась установка на совершенствование человека в плане отражения, отображения природы в целом, когда в целях совершенствования в качестве проекции природных сил, человек, прежде всего, должен был любить себя и уделять работе над собой особое внимание. Но в данном случае он вряд ли смог бы уделять необходимое и должное внимание сфере социальных интересов, а точнее, постарался бы гармонизировать систему общества, превратив ее в отражение мироздания, в органическую. Вопрос о непосредственной природе человека просто не вставал, поскольку было очевидно, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Разумеется, и христианская, и иудейская религии имеют скрытый, эзотерический смысл, который позволяет несколько иначе трактовать вопрос о связи человека с миром. Однако смысл этот, увы, раскрыт весьма не многим, вследствие чего трактовка с точки зрения утверждения социоцентризма продолжает преобладать в обществе. Непосредственным развитием и продолжением конкретного взгляда представляется тот же марксизм – учение Карла Маркса, утвердившее идею социоцентризма в тезисе «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду», а являет собой «совокупность общественных отношений» [11]. Соответственно, принципиально изменяется сам путь и способ постижения мира, применявшийся ранее в узком кругу, как, например, у Платона.

В христианстве путь и метод, связанный с познанием и изучением мира на основе и посредством сущностных концептов мироздания, например в философии Платона, заменяется более массовым, реализуемым на основе и посредством веры. Сформировавшаяся в христианском обществе установка о преобладании религии практически перевела общее знание о человеке и мире на уровень веры: информацию, по сути, просто заменили верой. Влияние же религии, опирающейся на начало веры по своей природе и характеру, является заведомо более массовым и широким. С утверждением христианства следуют запреты, связанные с применением геометрии, системы знаний в целом, которая подвержена гонениям, как важное условие для понимания системы мироздания.

Распространение монотеизма обусловило изменение модели мира с изначально двойственной, бинарной, признающей равенство, единство двух начал, на биполярную, основывающуюся на утверждении и абсолютизации только одного отдельного, особого начала. По своей сути, социальные отношения были спроецированы также и на мир природы, космоса, придав ему определенный нравственный характер и значение. Существование высшего и универсального принципа мироустройства как такового изначально не предполагало разделения на добро и зло и, соответственно, их противостояния и противопоставления, поскольку не предполагало отрицания в своей основе. В такой системе существуют только разные процессы и не более того.

Традиционно под «началом зла» закономерно понималось отрицание системы мироздания, неполнота, непонимание и не более того; что выступает злом, а что добром, относительно для мироздания в целом. Но это отношение вовсе не носило яркой, явной нравственной оценки. Величайшим из грехов в системе брахманизма полагается «авидья»,

или же неведение, незнание. Но данная оценка не имела нравственного плана, как бы мы могли сказать сегодня, обладая объективным характером. В качестве начала зла ранее рассматривалось непонимание, или выпадение из самой системы мироздания, нарушение божественного плана и системы.

Монотеизм же непосредственно привносит нравственный характер оценок, связанный с процессом расщепления на добро и зло. Оценка или разделение на добро и зло в системе христианства предполагает привнесение нравственного принципа, по сути, взятого, как отражение системы социальных отношений. Реализация лишь только одного добра предполагает отрицание системы мироздания и построение отношений и задач в русле системы частных и конкретных социальных интересов, как своеобразную проекцию. Ведь непосредственно сама система мировоззрения – что необходимо подчеркнуть – в принципе была построена и смоделирована с социальных отношений, на реализацию и утверждение которых она и была изначально ориентирована.

Разделение на добро и зло в мировоззрении, по сути, сделано для социума и в интересах социума в целях реализации конкретных социальных интересов. Для последних разделение на добро и зло вполне естественно, поскольку существует сфера социальных интересов разных обществ, групп и индивидов. И сообразно то, что противоречит интересам данной группы или человека, понимается как зло, как, впрочем, и наоборот, что только подтверждает социоориентированный характер всей представленной модели.

По сути, из понимания устройства мира как бы выделяется только социально интересное, полезное или приятное, а остальное отрицается и низвергается, как неудобное и непривычное для понимания. Неудивительно, что трактовать подобные принципы и оправдывать ими свою деятельность могли совершенно разные люди и в совершенно разных целях.

Конечно, христианство ставило определенные преграды в сфере отношений и реализации задач, как тот же знаменитый принцип «не убий», но стоит посмотреть, насколько часто этот принцип соблюдался на практике. Ограничение всегда могло быть снято и преодолено каким-то более ситуативным, важным с точки зрения условий времени принципом, например та же идея о защите христианской веры или государства, и тогда уже вполне возможным становилось применение насилия. Оно скорее ограничивало меру и возможность применения социального насилия, предупреждая предстоящие социальные потрясения, снижая их степень и масштабы. Нелишним будет вспомнить все крестовые походы, многочисленные межконфессиональные конфликты, которыми просто изобилует Европа в период Средневековья. В данном плане представляется естественным и изречение самого Христа: «Не мир принес я вам, но меч!» [2].

По существу, самые разные слои населения могли, опираясь на учение христианства, защищать свои идеи и оправдывать задачи, входя в конфликт друг с другом. Следствием этого является отсутствие должного целостного видения и понимания реального устройства мира. Так, например, ребенок, для которого есть нечто неизвестное, боится неизвестного как неприятного и сообразно его отвергает.

В обоих Заветах вопрос о системе мироздания, возникновении и непосредственном устройстве мира представлен мимоходом, как бы между прочим. Сам мир при

различении и выделении добра и зла, по сути, просто не рассматривается в принципе. По крайней мере в Библии на этой теме не сделан акцент, смещающийся в сторону системы социальных отношений, – просто сказано, что мир содеян Богом. Речь скорее идет о том, что хорошо с позиций социальной деятельности человека, а что плохо; что соответствует задачам социальной деятельности, а что нет. Тогда как всякая реально древняя культура изначально представлялась ориентированной именно на законы и закономерности устройства и организации окружающего мира и Вселенной, поднимая знания и информацию онтологического плана. В сущности, она давала некий общий абрис, отражение системы мира, двигаясь от общего и главного начала по принципу и методу дедукции. И, предлагая этот принцип человеку, как бы ставя индивида перед ним, древняя культура уже предполагала и обозначала рамки поведения и задавала отношения, которые человек мог реализовывать в процессе жизнедеятельности и своего личностного, индивидуального бытия.

Для христианства и иудаизма же, напротив, представляется наиболее существенным реализация конкретных, частных правил, а не общего начала, или принципа системы, что являет собой в большей мере индуктивное начало. Соответственно, при данной переориентации и отрицании единства человека с миром неизбежно утрачивается целостный взгляд на человека, который заменяется узкосоциальным пониманием его природы. Общество приобретает социальную направленность и ценности, постулированные в заповедях христианской веры, как бы переадресуясь в сферу социальных отношений, и передает забвению антропологические как универсально-человеческие ценности. Непосредственная плата за развитие – утрата целостности мировосприятия, поскольку сам процесс развития в целях своего конкретного, реального осуществления предполагал отсутствие начала антропологической полноты. В наше время человек не имеет целостного взгляда в отношении своей природы, поскольку при отсутствии целостного понимания мира невозможно достичь целостного понимания человека.

Развитие в общественном масштабе просто не предполагало в принципе стремление к гармонии как к утверждению полноты. Это был процесс собственно индивидуального развития, а его, напротив, необходимо было реализовать в социальном, непосредственно общественном масштабе. Нужно было создать мотивацию на базе и основе феномена компенсации. Для этого же надо было утвердить на основании изменения мировоззрения и ограничения знаний нецелостность человека, замкнув его в рамках социальной сферы, что задает неполноту и социальную компенсаторную динамику, направленность движения как развития, изначально ориентированного на общественный прогресс.

В сущности, христианство являло собой не что иное, как своеобразную модель, основу для развития активного социального взаимодействия, конфликта. Оно, по сути, вырывает человека из мира природы, ставя его вне общей системы мира как начала или принципа всеобщего, универсального порядка, и приводит не к согласованию с природой и началом мироздания как уподоблению и обретению гармонии, а совсем напротив, в направлении к системе социальных отношений и конфликта. Человек сам не имеет представления о системе мироздания, он ограничен изначально социальным пониманием и кругом отношений, а поэтому и не способен реализовать идею самосовершенствования. В итоге он

совершенно погрязает в сфере социальных, тенденционально частных и отдельных интересов, действие в соответствии с которыми составляет его главную, важнейшую задачу.

Проблема эволюции мировоззрения в отношении перехода с дедуктивного на индуктивный принцип наиболее отчетливо прослеживается на примере эллинской и эллинистической культур как двух последовательно сопряженных периодов античной цивилизации. Принципиально характерным для античности как изначально политеистической и синкретической культуры полагалось утверждение принципа природно-космического равновесия как баланса природно-космических сил, отражением которого посредством логоса и представляется идея, или принцип структурирования. Древнегреческое мировоззрение исходило из принципа и идеи структурирования окружающего мира на основе некоего общего, высшего принципа или начала, которое было представлено в лице первоначала, или же первоосновы мира. Древнегреческая философия руководствовалась представлением об интеллигибельности, умопостигаемости окружающего мира, благодаря которому общий принцип получал свое теоретическое основание.

Теоретическим обоснованием, выражением, методологией у древних греков выступала, прежде всего, геометрия. Стремление к геометризации пространства, окружающего мира в целом представляло собой основание для рационального, интеллигибельного постижения окружающего человека мира. При этом сам геометрический принцип или метод мыслился греками универсальным и выражался в каноне золотого сечения и знаменитого философского геометрического метода Платона [12].

Свидетельством структурного подхода выступает функционализм, принципиально характерный для язычества. Реализация функциональности предполагала технологизацию влияния на человека, что, в свою очередь, естественно обуславливало факт реализации структурного начала. Влияние со стороны структурности отчетливо прослеживается и в лице стремления философов античности к геометризации и пропорционированию звуков и пространства. В частности, зарождение музыки, музыкальных звуков и ритмов, по легенде, связывается с Пифагором, соотнесшим звуки непосредственно с физическими данными [9].

Античное искусство также изначально в своей сущности структурно. В качестве основы структурирования выступало характерное для древних греков понимание искусства как условия и способа реализации начала логоса. Идея, или принцип структурирования, как отражения и выражения начала мировой гармонии стоит у истоков становления античного искусства, которое образуется как отражение самой гармонии. Логоцентричность древнегреческого эллинского мира позволяла считать искусство основой и условием для утверждения начала логоса. Структурность, свойственная для античного искусства, подтверждается характером архитектуры эллинов с присущей ей скульптурностью, что в свое время отмечал еще Ле Корбюзье [8]. В образовании структурное начало получило отражение посредством увлечения древних греков геометрией и стереометрией.

Языческий по своей сути принцип уподобления природе через расщепление и рационализацию сознания способствовал рождению античной философии. В античной Древней Греции крушение синкретизма проявилось в утверждении рациональности, что пробудило к жизни философию как способ или форму рационального познания

и осмысления мира. Но, хотя феномен расщепления сознания и способствовал формированию рационального сознания, сам исходный принцип и дедуктивный подход движения от общего начала к частному остались неизменными. Философия была учением о построении мироздания, системы мира в целом.

Рождение философии, по сути, являет собой феномен единства двух начал: рациональности и дедуктивности. В своем единстве с принципом рациональности принцип дедукции стал непосредственной базой и основой философии. Со времени античности философское познание рассматривается, в сущности, как рационально-дедуктивное в своей основе.

Хотя дедуктивность изначально сохранялась, но тем не менее она уже несла и заключала в себе компонент рационализма, призывавший непосредственно к выявлению первоначала, разрушая целостность сознания. Культура просто приняла относительно рациональное звучание, о чем непосредственно свидетельствует изначально натурфилософский характер учений древних греков с характерным поиском первоначала мира. При этом философия у древних греков обладает интегрирующей функцией, объединяя всю систему, совокупность знаний о природе, из которой позже выйдут самые различные науки.

На основании реализации начала дедуктивности строилось и образование древних греков, бывшее в своей основе философским и фундаментальным. Принципиально натурфилософский взгляд на мир предполагал универсализм по отношению и в отношении человека, достигавшийся посредством общего, универсального развития индивида при помощи и на основании дедукции. Причем, естественно, в силу общего природного характера процесс воспитания человека реализовывался в непосредственном единстве и взаимосвязи физического и интеллектуального развития.

Изменение мировоззрения и переход к реализации феномена и принципа индукции берет свое начало из философии Сократа, отрицавшего идеи натурфилософского порядка и характера. В основе его взглядов – перенос внимания или предмета философии с идеи связи и единства человека и природы как общего, глобального концепта мироздания на систему социальных отношений и начало нравственного мира и поступков человека, выступающих как отражение социального феномена. И эта специфичность взглядов получает отражение также в жизни самого Сократа, в самом способе общения и распространения им своих идей. Подобный подход обусловил понимание того, что мир присущих человеку отношений не являет собой отражение природы, потому что человек не представляет собой отражения и единства с общим принципом природных сил. Сам Сократ в своих беседах стремился вывести причины и основы поведения человека вовсе не из характера каких-то общих принципов, закономерностей природы или мира, оперируя понятиями нравственного, социального, значения. Центром его воззрений является сфера социальных качеств человека.

В результате общий дедуктивный взгляд на мир, присущий древнегреческой античной философии, по сути, заменялся индуктивным взглядом и подходом социально-философского характера. Замена натурфилософского мировоззрения концептом социально-философского характера принципиально изменила сам характер обучения и образования, подготовки человека, принцип его общего формирования и становления.

Продолжение философско-дедуктивного подхода в полном соответствии с законом «отрицания отрицания» прослеживается в философии Платона, который через идеальность утверждает дедуктивность как бы в некой «чистой» и абстрактной, непосредственно рациональной форме. Наличие «мира идей» как неких базовых, универсальных, общих сущностей, отражением которых представлялся вещный, материальный мир, предполагало общую дедукцию подхода, которая, однако, исходила не из представления о проекции природных, натурфилософских сил или начал, а из абстрактно-философского воззрения на суть вещей.

Идеи в философии Платона структурируются по степени их общности и в рамках строгой иерархии, причем, чем большей общностью сама идея обладает, тем менее она реализуема на практике и, соответственно, наоборот – простые, «частные», элементарные идеи проще и быстрее подлежат практической реализации. Иначе говоря, присутствует известный замысел, модель или структура, данная в форме идеи, которая является господствующей в отношении к практике, реализуемой согласно замыслу. Эта идея представляет собой некий общий принцип, как бы проецирующийся на предметно-вещную, по своей сути материальную реальность.

Высшей среди всех идей является идея блага, или совершенства, подразделяемая на начала истины, добра и красоты. Рассматривая общий принцип блага, или совершенства и гармонии, как воплощение идеи и начала истины, добра и красоты мы можем явно наблюдать, что через них реализуется универсальный, общий принцип, позволяющий отражать каждое из представленных начал через и посредством другого. По существу, конкретный принцип может быть представлен в структурно-геометрической форме, выступая в качестве основы триединства, или как синтез. С этих позиций представляется вполне закономерной разработка Платоном так называемого геометрического метода [12].

Таким образом, идея триединства, по Платону, объединяет обучение и творчество в реализации определенного структурного единства и начала, которое рассматривается в качестве определяющего, основы. Эта идея обеспечивала, в свою очередь, возможность гармоничного универсального развития. Структура как основа утверждения и отражения гармонии реализуется как база для творчества.

Соответственно, представленный подход как путь от общего, естественно, предполагает утверждение теории, теоретизм в исследовании, постижении мира. А в плане обучения – принцип или путь дедукции, движение «от общего к частному». Этот подход сформировал и заложил основу для абстрактно-дедуктивного образования, основывавшегося на математике, геометрии и философии как наиболее абстрактных и фундаментальных сферах, или способах познания окружающего человека мира.

Вполне естественно, что данный путь и принцип обучения представлялся весьма сложным и фундаментальным, что и предопределило узость его непосредственно практической реализации в рамках закрытых философских школ. Но вместе с тем он показал себя способным обеспечить полностью универсальное развитие личности, составив путь и направление в реализации образования и воспитания, которое спустя много столетий получает воплощение в эпоху Ренессанса под влиянием неоплатонизма [9]. Именно

концепция Платона представляла собой, очевидно, наивысший и последний, характерный для культуры, собственно мировоззренческий этап.

Если концепция Платона отражала ценности этапа культуры, то общий характер ценностей, свойственных цивилизации, получает воплощение в учении и идеях Аристотеля, являвших зарождение мировоззрения и подхода собственно цивилизационного порядка. С деятельностью и учением Аристотеля непосредственно связан отказ от дедуктивного подхода, обращение внимания философии к проблемам и вопросам социального характера. И в этом плане Аристотель поддерживает философские воззрения Сократа.

Для философии Аристотеля характерен принцип индукции как основы конкретно для естественнонаучного познания и понимания мира с помощью формальной логики. Этот подход не обладает целостным характером в той мере и степени, которая была присуща философии Платона, что означает расщепление познания на социальную гуманитарную и естественнонаучную основы, или направления в постижении мира. Отсюда и берет свое начало процесс дифференциации научных направлений, столь отчетливо прослеживаемый в наши дни, когда каждая наука обретает свой предмет. Принципиально общими для воззрений двух отмеченных философов античности являются присущие обоим отрицание натурфилософской парадигмы как единства принципов устройства мира, человека и природы и замены ее социально-философской проблематикой.

В воззрениях Аристотеля, рассматривающего обучение в целом как индуктивный путь, или процесс, концепция образования эпохи эллинизма получает наиболее яркое выражение. Принцип индукции не позволяет утверждать и реализовать исходный принцип и начало триединства как структурности, по сути, утверждаясь через частное, отдельное начало. С этого времени феномен обретения и утверждения исходного структурного единства постепенно отрицается, а обучение начинает строиться на основании отдельных предметов. Реализация начала индуктивности предполагает понижение степени и уровня теоретичности, теперь в качестве главнейших выступают более доступные предметы гуманитарного, а вовсе не математического характеров.

Согласно Аристотелю, реализация подходов к обучению основана на принципе индукции и преподавании гуманитарных дисциплин, представленных наличием мифологии, литературы и, конечно, логики. Именно Аристотель утвердил характер обучения в соответствии и на основе принципа индукции, движения от простого к сложному, что, в свою очередь, позволило обучать больше учеников, поправ платоновский эзотеризм.

Система Аристотеля предполагала обучение посредством рассмотрения и анализа примеров из литературы на мифологические темы, представления о которых имел практически любой житель древней Эллады, получивший хоть какое-то элементарное образование. Трактовка философских положений, той же метафизики осуществляется посредством интерпретации мифов в ходе изучения античной мифологии, представленной в литературной форме в качестве примеров. Обучение предполагало рассмотрение достаточно обширных и обильных фактов и примеров и осуществлялось на основе логики, – той именно формальной логики, отцом и основателем которой также выступает Аристотель. Индуктивное преподавание на основе иллюстраций и примеров, подкрепленных стихотворным творчеством, сделало его подход весьма доступным и распространенным, создав

явный перевес в сторону гуманитарного начала в обучении [4; 6]. Такой подход облегчал изучение материала и массово распространялся, но при этом не обеспечивал универсального развития человека, в полной степени не предоставляя целостной мировоззренческой основы. Круг изучаемых наук и, соответственно, предметов был весьма различен, тяготел к дифференциации и в ущерб реализации системного начала.

Индуктивность, выстроенная на основании формальной логики и обеспечившая массовость образования как социального феномена, явилась провозвестницей новой эпохи, оказав огромное влияние на общественную жизнь и сам процесс дальнейшего развития цивилизации. Реализация мировоззренческого влияния Аристотеля наиболее ярко видна на примере Александра Македонского, у которого Аристотель был учителем. Долгое время факт взаимосвязи Аристотеля и Александра оставался без должного внимания и анализа. Возможно ли, чтоб это было просто совпадение по времени существования двух выдающихся людей, которое свело их на не столь обширном юге полуострова Балканы? Хотя, конечно, масштаб личности и Аристотеля, и Александра позволяет говорить о том, что между этими двумя великими людьми реально существует некая глубинная взаимосвязь, явственно прослеживаемая во влиянии Аристотеля на Македонского и, конечно, получившая свое воплощение в деяниях последнего. Для того, что бы ответить на эти вопросы, постараемся определить, насколько образ мыслей и идей великого античного философа непосредственно смог предопределить и обусловить действия его не менее успешного воспитанника? И, конечно, почему тогда ни у Сократа, или же, к примеру, у Платона, – в личности, ни одного философа античности, – не было столь успешных, продуктивных с точки зрения масштабов социальной практики учеников? Обратимся к ряду очень интересных и явно не случайных соответствий.

Обращает на себя внимание тот факт, что с именами Аристотеля и Македонского связано начало нового периода Античности, известного под названием эпохи эллинизма. Эти герои не только открывают ее, но и фактически являются крупнейшими представителями. Аристотель – крупнейший философ нарождавшейся эпохи эллинизма, а Александр – ее самый успешный и результативный полководец.

Аристотель разработал общее научное мировоззрение эпохи эллинизма. А Александр, по сути, обозначил путь и характер эволюции государств эллинистической эпохи, выступив в роли крупнейшего завоевателя, на основании и под влиянием империи которого возникло множество позднейших царств. В этой связи очевидно, что прямым объединяющим началом может выступать само мировоззрение эпохи эллинизма.

При анализе взглядов Аристотеля обращает на себя внимание тот факт, что именно этот философ окончательно перенес основной интерес философии с изучения мира, макрокосма как универсального, всеобщего начала на изучение социума, сменив дихотомию «человек и мир» на отношение «человек и социум». В то время как дедукция предполагала факт существования общего универсального концепта при принципиальной невозможности выйти за его пределы, Аристотель снял дедукцию как утверждение концепта связи человека с миром. Этому стала соответствовать система индуктивного анализа вместо дедукции, которая основывалась на формальной логике, не придерживавшейся никаких абстрактных высших норм и догм, а получала как бы непрерывный вариант своей

реализации. Индукция уже не вписывалась в базовый концепт, а сокрушала его, разбивая напроочь. Никакая изначально данная, абстрактная, общая модель или система не способны устоять против реализации индукции с формальной логикой. Индукция с формальной логикой предполагала беспредельный и открытый путь практической реализации, принципиально чуждый построению концептов и нацеленный на бесконечное движение на практике. Именно поэтому без Аристотеля Александр Македонский не смог бы реализовать свое стремление к покорению Азии. Оно бы просто не смогло возникнуть в принципе, поскольку дедуктивность ограничивала человека в рамках изначально данного и общего концепта, призывая к самосовершенствованию, все выше и выше, как к единству человека, мира и природы. А индукция же предполагала идею социального распространения как ориентацию на достижение бесконечных и различных социальных целей.

Пользуясь формальной логикой на основании индуктивного подхода, Александр мог приподняться над мировоззрением традиционного Востока, признав его по своей сути ограниченным, ущербным, варварским и потому, в силу принципиальной чужеродности, достойным сокрушения и уничтожения. Это обосновывало цель и факт завоевания Востока на основании реализации индукции, по сути, выступавшего как архаичная и варварская культура по сравнению с Грецией. Индукция предоставляла способ и основу для движения и отрицания, низвержения и построения нового.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Аристотель и Александр Македонский были не просто современниками, явно выходя за рамки стандартной системы отношений «учитель – ученик», и характер воззрений Аристотеля, по существу, своим влиянием инициировал крупномасштабную агрессию Александра, благодаря которой создалось политическое основание эллинистической эпохи и культуры. Точно так же, как сам Аристотель создал ее интеллектуальную, духовную основу.

По существу, Александр Македонский стал, своего рода творением и одновременно практическим реализатором мировоззренческого влияния Аристотеля. В завоевательных походах Александра Македонского мировоззрение Аристотеля приобрело реализацию, став в то же время основанием для наступления эпохи эллинизма. Но в качестве исходного начала, разумеется под непосредственным влиянием Аристотеля, было сформировано само мировоззрение Александра. Первоначально изменения произошли в сфере сознания, а затем перенеслись уже на практику. А кажется на первый взгляд, все-то-то происходит замена принципа дедукции на принцип индукции и появляется формальная логика.

С эпохи Аристотеля гуманитарное образование реализуется в плане отношений сферы ценностей как нравственной основы социальных отношений, их регулятора посредством права и морали. Это означает, что задача гуманитарного образования смещается непосредственно в нравственно-этическую сферу с характерным выражением и отражением субъективного начала. Соответственно, задачей и предметом науки и образования становится социальная сфера культуры, выступающая в тоже время в качестве условия для социального развития.

Непосредственной задачей, или целью, гуманитарной науки и образования является влияние на систему управления обществом, а в своем более современном

варианте, – идею социального развития. По сути, сущностная роль гуманитарного образования заключена совсем не в разрешении самой проблемы человека, а в реализации определенных социальных целей, на которые оно являлось ориентированным, начиная с эпохи Аристотеля. И именно поэтому само значение влияния учения Аристотеля было очень высоким даже в период Средневековья. Однако полем, или сферой для его первоначальной апробации, вполне закономерно выступает сначала Александр Македонский, а затем и Древний Рим как наиболее успешные и эффективные античные «проекты» по реализации задачи социального развития и расширения имперского характера. Именно в рамках двух представленных общественных моделей функция организации управления представлялась наиболее важной и существенной, и именно они нуждались в наибольшей социальной стимуляции для расширения жизненных пространств и построения империи.

Цивилизационное влияние системы Аристотеля послужило основой мировоззрения и, соответственно, процесса обучения в Древнем Риме, выстраиваемого под влиянием эллинистической культуры на основании гуманитарно-индуктивного подхода. Непосредственно древнеримская эллинистическая модель образования, основывавшаяся на гуманизме и индукции, имела своим основоположником Аристотеля, являясь аристотелевской по своим основам.

Пребывая в лоне эллинизма, Рим по своей сути отвергает дедуктивность как концепт и оставляет лишь само начало языческого мировосприятия. Отказ от общего, фундаментального концепта предопределил реализацию начала, или же процесса, индуктивности как ориентированного на конкретно-социальное значение и функции. Главными для Рима стали явно социальные задачи. Определяющей особенностью древнеримского мировоззрения становится ориентация на социальную систему отношений и ценностей.

Саму римскую историю по наличию влияния греческой культуры упрощенно можно разделить на два больших периода: до и после появления этого влияния, то есть до и после конца II века до нашей эры. В отличие от Греции, целостно рассматривавшей человека с точки зрения его универсального и гармоничного развития, Рим замещал идею совершенствования человека социальными задачами и планами по поддержанию и обеспечению системы власти, социальных отношений. Эта задача, в принципе, уже вовсе не предполагала факта существования и присутствия общего концепта в виде отношений человека с миром, заменяя их частными, конкретными задачами сугубо социального характера.

Об отсутствии концептуально-философского подхода дедуктивного характера в Риме свидетельствует специфика самой латинской, древнеримской философии, не обладавшей построениями и концептами онтологического плана и не создавшей системы. Это характерно отражает саму суть мировоззрения древних римлян, придававших философии не общее мировоззренческое, а, скорее, прикладное, частное значение. Универсальный взгляд на мир явно не вписывался в жизненный уклад и не соответствовал социальным целям древних римлян. Именно в Риме, в рамках социума, отношение «человек и мир» впервые переходит в отношение, или систему, «человек и социум», построенную на основе социальных связей.

Риму не нужна была фундаментальная наука, требовалась лишь только прикладная. И, естественно, совсем не требовалась философия. Хотя в Древней Греции была высокая наука, римлянам она казалась в высшей мере не практичной и даже не нужной. Для примера этому достаточно вспомнить самого Катона Старшего – яркого противника влияния греческого образования и культуры. Поэтому в Риме мы и не можем наблюдать сонма философов. Не имея интереса к развитию науки, как и фундаментального образования, римляне активно пользовались ее достижениями. В прикладной науке при помощи тех же греков римляне продвинулись довольно далеко, крупнейшие архитекторы Рима имели греческое происхождение. Чтобы оценить их достижения, достаточно вспомнить римский Пантеон, уметь строить из бетона и т.д.

Итак, образование в Древнем Риме не имело философского характера, а являлось строго прикладным и социально ориентированным. Для человека в Риме было важно и существенно приобретение образования не философского, универсального, а прикладного, нацеленного на организацию системы социальных отношений и решение практических общественных задач. Для Рима было свойственно гуманитарное образование индуктивного характера, основанное на риторике и древнегреческой литературе и ориентированное на формирование личности политика и управленца.

По сути, частные, отдельные предметы, или дисциплины, в Риме становились главными, что можно было оправдать и объяснить задачами и целями сугубо социального характера, как «социального заказа». Образование в Риме было более доступным по сравнению с абстрактно-дедуктивным обучением и философией Платона. Это позволило сделать римское образование более массовым, охватив относительно широкие слои населения, которым было легче получать знания на основе образных примеров. Именно в Риме индуктивное образование приобретает массовый, устойчивый характер.

Основной задачей римского гуманитарного образования являлось управление общественной системой. По существу, подобная образовательная политика велась преимущественно в интересах общества и государства, а не в целях совершенствования самого человека, понимавшегося исключительно в своей социальной ипостаси. В основу ставилось не универсально-дедуктивное образование, а социально-политическое, по своей сути, прикладное, как та же риторика. Само образование переставало быть универсальным, становясь при этом тесно связанным с задачами конкретной культуры и общества, в рамках которого оно существовало. Римское образование уже практически не позволяло рассуждать на универсальные темы в отношении самой природы человека, знания выпускников ограничивались лишь сферой культуры и конкретных социальных интересов. Выстраивание образования на основании формальной логики, по сути, создавало предпосылку для идеи социального развития и расширения, завоевания пространства, перестройки мышления и деятельность личности в линейной плоскости и сфере отношений. Если в самой античной Греции мы можем видеть целый сонм имен героев подлинно универсального характера, как, например, Фалес, Платон, Алкивиад, Перикл и Фидий, то в Риме можно выделить, пожалуй, личность и фигуру только Цезаря.

Древний Рим будто бы переводит, преобразует, видоизменяет дерзновенный план и поиск древних греков в отношении обретения гармонии и творчества на достижение

социально-политических задач и целей. Это движение и деятельность ориентирована не на достижение и осуществление задачи совершенствования и самосовершенствования человека, а на сугубо социально-политические и общественные цели, реализуясь, можно сказать, уже в «горизонтальной», а не в «вертикальной» плоскости. И для этой реализации используются греческие знания. Социальные задачи как практические представляются, конечно, уже частными, для их достижения используется принцип индуктивности.

Смена мировоззрения с философско-антропологического на социально-политическое означает процесс социально-политического расширения и распространения античной эллинистической цивилизации, когда само мировоззрение отражает социальную направленность. Опираясь на культуру эллинизма, Древний Рим развертывает сильную системную экспансию, основная мощь которой пришлась на период после усвоения греческой культуры. Основные территориальные приобретения Римом были сделаны после и под влиянием греческой культуры, то есть эпохи эллинизма, в результате чего и возникает в I веке до нашей эры сама Римская империя.

Ликвидация системы мировоззренческих ограничений способствовала не только распространению военной экспансии Древнего Рима, но и моральному разложению его жителей. Последние века существования Римской империи известны как время открытой сексуальной вакханалии и поистине чудовищного падения нравов. Причем следует отметить, что такими сами римляне, конечно, изначально не были. В доказательство этому достаточно вспомнить историю о той же Лукреции или о Сцеволе. Но для Рима позднего, к сожалению, больше характерны Мессалина, Калигула и Нерон. Причем появление аморальных личностей были массовыми и характерными для всех без исключения слоев и социальных уровней общественной системы.

Учитывая общую доступность и ориентацию на социум подхода Аристотеля, совсем не удивительно, что именно он стал, в принципе, определяющим в организации процесса обучения в условиях Европы, тогда как путь, предложенный Платоном, оставался явно элитарным, реализовавшись в неоплатонизме. Концепция Платона в социальном плане оставалась крайне узкой, в полном смысле этого слова элитарной, получив распространение и применение в системе философских школ на территории Византии, фактически граничивших с эзотеризмом. Запрет на их официальную работу при Юстиниане в VI веке нашей эры в еще большей мере сузил социальный спектр их деятельности. А соответствующую реабилитацию, и то, скорее, в отношении результатов своей деятельности, эти школы смогли получить только в эпоху Возрождения, в определенной мере подготовив итальянский Ренессанс. Однако даже это не способствовало полной и действительной легализации их деятельности [3; 6].

В отличие от влияния Платона и идей неоплатонизма, период непосредственного обращения к которым в христианском мире пришелся на эпоху Ренессанса и носил узкий, даже можно сказать, камерный характер, индуктивное научное образование и идеи Аристотеля успешно и устойчиво приобретали популярность, начиная со Средневековья. Под их непосредственным влиянием формировалась университетская система и схоластика, научные идеи эпохи Нового времени и модели гимназического классицизма, начиная с Меланхтона и заканчивая тем же Гербартом. Процесс образования в условиях

Европы строился традиционно на основе изучения формальной логики, впервые явленной в лице схоластики в средневековую эпоху. И, конечно, важнейшее значение со временем стало играть изучение дисциплин так называемого собственно классического цикла: древнегреческой литературы, древних языков и философии. Наличие формальной логики в единстве с данными предметами составило известную концепцию формального образования, направленную на развитие мышления. При этом круг распространения и реализации образовательных подходов и моделей индуктивного характера был, конечно, не в пример более широким, представляя собой кардинальную дорогу эволюции европейской школы, просвещения Западной Европы. Именно в ключе общего подхода Аристотеля создал свою «Великую дидактику», основанную на реализации наглядности, Ян Амос Коменский [7].

Таким образом, индукция, формальная логика и отрицание общего концепта стали особенностями нового типа цивилизации, равно как и самого собственно цивилизационного этапа в целом. Примечательно, что для философии Нового времени не характерно и не свойственно создание и конструирование общей модели, концепта, системы мироздания. Она сосредотачивается на проблемах и вопросах познавательного, гносеологического плана и характера.

Отличительной особенностью собственно цивилизационного этапа в развитии общества, в лице так называемой эпохи Нового времени, характеризующейся неуклонным стремлением к цивилизационному развитию и расширению, также является утверждение принципа и метода индукции и индуктивного познания, наличие формальной логики и отрицание общего, исходного концепта как модели мира.

В основе нового цивилизационного этапа стояли два крупнейших, наиболее развитых государства того времени – Англия и Франция, представленные, соответственно, такими именами, как Бэкон и Декарт. Именно Ф. Бэкону принадлежит идея о ведущей роли и значении индуктивного мышления, основанного на переработке эмпирического опыта посредством применения эксперимента. Для Декарта характерно утверждение принципа о самодостоверности мышления. В своем единстве эти две идеи составляют базу и основу всей современной цивилизации Европы. Рациональное мышление Декарта, наряду с началом эмпиризма и эксперимента Бэкона, реально позволяло организовать процесс общественного развития в плане и отношении социального развития и расширения.

Проведя необходимый исторический анализ, рассмотрим основные социально-мировоззренческие особенности влияния диалектической и формальной логики на мировоззрение, основанное на началах индуктивности и дедуктивности.

Модель формальной логики основана на принципе и методе индукции, реализации и отражении системы индуктивного подхода, являющего собой путь движения от единичного и частного к общему. Поэтому концептуальные, глобальные и общие основы для нее не представляются существенными и необходимыми. Индукция как таковая не предполагает общего концепта, соответственно, и логика полагается как начало атомарных, отдельных, разобщенных сил, не ограниченных началом общего и позволяющих в своей отдельности выстраивать линейную направленность движения, прогресса. Наличие формальной логики в единстве и взаимосвязи с индуктивностью, по сути, вследствие

линейности реально отражает логику движения, прогресса. Движение без начала общего закономерно будет означать прогресс, что, в свою очередь, свидетельствует о принципиальном отличии характера культуры и общественной системы от концепций общества, построенных на дедуктивном основании.

С позиции диалектики в системе ясно, что процесс движения, развития предполагает нарушение и сохранение, восстановление баланса с точки зрения целого и общего, существования системы, обозначая факт наличия и прогресса, и регресса. Но с точки зрения принципа индукции в формальной логике есть преимущественно лишь один прогресс с его безудержным движением вперед. Взаимный переход начал здесь заменяться принципом линейной зависимости, в силу чего данная система ориентирована на узконаправленное динамическое действие с позиции осуществления и достижения вполне конкретной и определенной цели. Формальной логике присуще состояние линейности, линейного движения, как отражения процесса расширения, поскольку сам этот процесс, как полагаются, может длиться практически до бесконечности.

Вне представленности общего, глобального концепта при наличии взаимосвязи разных уровней организации материи, пространства и вселенной этому подходу явственно присуща тенденция к обособлению и отделению. В конкретном случае мы способны фактически наблюдать преобладание тенденции дифференциационного порядка и характера.

На основании формальной логики индукция выстраивает непосредственно линейную систему отношений, направленную и ориентированную на реализацию последовательных и неуклонных приобретений – накоплений и захватов – в социальном мире. Индукция предполагает постоянный выход из определенных рамок, она может вырывать, извлекать из них человека, побуждая к изменению ситуации. И длиться это может до бесконечности.

Основываясь на процессе движения как социальном распространении, захвате, расширении, индукция предполагает социальное развитие и социальную направленность процесса. Она основана на социоориентированности государства и культуры и предполагает достижение конкретных социальных целей, что по сути и является процессом социального развития. Для ускорения этого процесса необходимо было введение индуктивного подхода. Решение задач социального развития осуществляется при отсутствии видения целостной картины мироздания и с применением формальной логики, отточенной на заре цивилизационной эпохи эллинизма еще Аристотелем. Линейность логики предполагает расширение и бесконечность в достижении, решении задач, особенно учитывая ограниченность системности при применении индуктивного подхода.

Вне общих принципов системы изменяется мировоззрение, которое стремится к обретению частных социальных задач. Его разделенность и нацеленность на решение отдельных практических задач, порождаемые фрагментарностью, нецелостностью видения мира, предполагают ориентированность на достижение только конкретных социальных целей. Соответственно, и человек рассматривается с точки зрения выполнения своих конкретных, частных, отдельных социальных функций. Сам человек становится разорванным и разобценным на множество не связанных друг с другом интересов и задач, его

мировоззрение мозаично и довольно хаотично, не системно, уже не просматривается изначально общий интерес. В число таких частных задач входят власть и деньги, удовольствие, самоутверждение, что ведет к развитию индивидуализма.

Индуктивная модель не ставит целью пытаться сделать человека гармоничнее и совершеннее, а, напротив, как бы только подгоняет его через стимуляцию к скорейшим и быстреешим, наиболее активным социальным действиям во внешнем, материальном и предметном отношении. Понимание человека в плане отражения общего концепта, или принципа, отсутствует. Соответственно, нет целостного видения и понимания человека. Каждая область изучает его со своей стороны и точки зрения.

Решение практических задач нам позволяет достигать лишь частного успеха в социальном плане, и не более того. Главное здесь – суметь почувствовать, использовать выгоду конкретного момента, а все остальное не существенно. Если ты успел, – то выиграл, ну а если не успел, – то проиграл. В результате непосредственно сами люди становятся атомизированными, разобщенными. Как в данном случае может идти речь о достижении и обретении фундаментальности? Без общего концепта исчезает понимание целостности человека – оно заменяется пониманием человека в его социальной сути, что мы можем видеть уже в Древнем Риме. Человек рассматривается через систему социальных отношений. Вне существования глобального и общего человек, по сути, переориентируется на частное и практическое.

Такой людской подход, конечно, очень ограничен и направлен, в сущности, в никуда. Человек просто не видит общего и не желает в принципе согласовываться с ним. Главное – конкретные задачи, достижения и цели, а тот факт, что они могут не согласовываться с общими законами, принципами сущностного бытия природы, никого особо не интересует. Ведь если общей модели, равно как и свойственного ей принципа дедукции и логики, не существует, то каждый волен в отношении окружающего мира делать то, что допускают его собственные цели и задачи.

Не в этом ли частном подходе и заложен корень и причина многих сегодняшних проблем, когда в погоне за своими целями обогащения и развития промышленно-технологического плана человечество, по сути, нарушает общие закономерности и принципы природы, ставя всю цивилизацию на грань уничтожения и гибели.

Точно так же, как принцип индукции предполагал наличие формальной, или же линейной, логики, принцип дедукции предполагает диалектическую логику как способ движения от общего, глобального начала к частному, отдельному. Поэтому и в качестве основы для диалектической логики выступает некий общий, высший, изначальный принцип, или же концепт, с позиции которого и в соответствующих рамках, она может и способна оперировать. Этот высший принцип распространяется и проецируется непосредственно на систему мироздания, включая и социум, который отражает природу. Сама мировоззренческая система строится на основании принципа подобия, как отражение высшего, верховного начала. Соответственно, и руководство неким высшим принципом предполагает деятельность, основанную на его распространении и реализации. Речь в данном случае идет о собирании и синтезе как сущностном уподоблении и построении системы. И человек, являясь отображением, проекцией Вселенной, должен в максимальной степени

ей соответствовать, а значит, и работать над собой. В подобной логике и принципе дедукции преобладает явно интеграционный, общий и универсальный компонент.

В силу системности, наличия фундаментального и общего, универсального, глобального концепта, дедукция предполагает необходимость ему следовать, что налагает определенную систему ограничений и запретов. Высший, универсальный принцип как бы преломляет мир, пронизывая всю систему, и способствует ее организации и построению, выступая в то же время в роли соответствующего ограничителя, такой основы и предела, за который никто выходить не должен. Причем, чем шире и универсальнее данные принципы и постулаты, тем, соответственно, ярче представлен и реализуем дедуктивный принцип и подход.

Поскольку дедукции органически присуще начало общего, системы, то, соответственно, и действовать приходится в условиях этой системы, в принципе, не выходя за заданные ею рамки и границы. Взаимодействие должно происходить внутри самой системы, в рамках диалектики начал или стихий и в логике их взаимоперехода. Дедуктивному подходу должна соответствовать диалектическая логика, которая исходит из начала общего, предполагая факт взаимодействия, взаимоперехода как условие сохранности системы и модели мироздания.

По существу, дедукция основывается на диалектической логике как идее и системе взаимоперехода начал внутри общего, глобального концепта. Поскольку концепт общий и глобальный, то процесс движения в его рамках может быть рассмотрен только как взаимодействие начал внутри него или же диалектическое превращение, взаимопереход начал.

Как изначально не линейная по определению и основанная на принципе осуществления процесса и феномена взаимоперехода диалектическая логика является ориентированной на гармонию и поддержание баланса. Для нее принципиально характерно сохранение и поддержание состояния динамического равновесия системы в целях продолжительности и устойчивости ее общего существования.

В наиболее полном виде, или форме, дедуктивный принцип предстает в виде монады даосизма – в ней взаимопереход, взаимное влияние начал являются основой для единства, не пытаясь выйти из значения или начала общего. Диалектическая логика в данной системе связана с формированием диалектического, или же бинарного, сознания как универсального отношения к миру. Поэтому для такого рода общественных систем задача по обеспечению стабильности намного превосходит по значимости задачу расширения и развития. Такой приоритет присущ обществам традиционного характера и типа. При нем социум и человек рассматриваются как отражение единства естественных, природных, космических и общественных начал. Соответственно, ему присуще понимание человека и его природы, выходящей далеко за рамки социального назначения. В данном контексте главный принцип, конечно, призывает к наведению порядка и на Земле, и в самом социуме, который является отражением природы, или высших принципов мироустройства. Это отражается в самой системе власти, обладающей значением и функцией системного ограничителя, и проявляется в ее характере, как правило, авторитарном или же тоталитарном, соответственно, в лице монархии или же диктатуры. Диктатура не имеет

сакрального статуса монархии, но, вследствие рассмотренных причин, к нему стремится. Причина отмеченной тенденции также заключается в самом уподоблении системы власти общему концепту, отражении его и, соответственно, стремлении исправить и усовершенствовать дела. В частном случае система власти будет непосредственно обязывать и принуждать, что скажется и на самом ее характере.

Как существует общий и универсальный принцип, так должен существовать и единый проводник его по жизни, социальный Бог или правитель, в сонме мудрецов. Его роль как проводника высшего начала должна быть освящаема, сакральна. Например, в Китае был сын неба – император, персонально отвечавший за связь между небом и землей, страной.

Конкретная общественно-мировоззренческая модель является достаточно авторитарной, замкнутой и жесткой в своей основе, а по существу – культурной, потому что непосредственно культура представляет собой систему ограничений. В связи с этим, по сути, и этап культуры, по сравнению с цивилизацией, в принципе, реализуем на основе непосредственно авторитарных отношений, монархической формы правления или диктатуры. Такова связь между дедуктивным принципом, основой построения и культурой, а также между культурой и авторитаризмом.

Ликвидация системы рассмотренных ограничений представляет собой разрушение культуры в виде отрицания, прежде всего, общего, универсального концепта мироздания и дедуктивного, системного подхода. А можно сказать даже несколько иначе: отрицание и низвержение общего начала, или принципа, представляет собой разрушение ограничений и уничтожение самой культуры.

Конечно, в данном случае возможна также и экспансия как утверждение общего начала. Собственно так оно и было, когда называли варварами всех, кто не входил в число реализаторов идеи и влияния высшего начала. Но все же в системе культуры экспансия откладывается и ограничивается через призму совершенствования человека, его соответствия высшему, природному началу. Поэтому тот же Китай по возможности не проводил сильной внешней экспансии, а, скорее, стремился сохранить свою культуру, ограничившись от варваров стеной. И что интересно – сохранил ведь, по сути, до сегодняшнего времени.

Основанная на дедукции культурная модель стремится не к распространению, а к самоограничению. Да, она стремится распространить свой высший принцип, но процесс этот очень медленный, поскольку происходит он на всех уровнях, а это требует времени и сил. Постоянно возникает необходимость совершенствования высшего принципа внутри самой системы, и это выступает в качестве ограничителя экспансии. Подобная модель чрезвычайно целостна, но распространяется медленно, верно, постепенно.

Однако для реализации экспансии необходимо отрицать саму универсальную модель, что было сделано, например, в том же древнеримском обучении. Когда греки создавали и преподавали в своих школах философию, они вели факторную торговую политику, не более того. А римляне же заменяют общефилософский характер образования греков непосредственно практическим и частным, что сопровождается завоеванием и расширением масштабов и пределов государства.

Задача цивилизации, индукции – снятие и ликвидация общесистемного подхода как системы ограничений и запретов, что прослеживается даже в современных увлечениях принципами индийских учений, разрушающих мировоззрение представителей Европы. Индуктивный подход основывается на отсутствии общей модели и системы мироздания и всегда взаимосвязан, как минимум, с разрушением синкретического сознания, что мы можем видеть в том же Древнем Риме.

Основные особенности реализации индуктивного и дедуктивного подходов с точки зрения культуры и цивилизации на основании анализа античности представлены в приведенной таблице.

Таблица

Сравнительный анализ характера культуры в рамках индуктивного и дедуктивного подходов

	Дедукция	Индукция
Сущность и направленность подхода	Путь от общего к частному	Путь от частного к общему
Характер логики	Диалектическая логика	Формальная логика
Общественный этап	Культурный (культура)	Цивилизационный (цивилизация)
Период античности	Эллинский	Эллинистический
Общий характер культуры	Антропоориентированный (совершенствование человека)	Социоориентированный (развитие социума)
Принцип построения мировоззрения	Движение от глобального, общего подхода исходя из высшего, абстрактного принципа по направлению к его практической реализации	Движение исходя из частного, конкретного решения, из непосредственно практических задач
Основная мировоззренческая проблема	Отношение «человек и мир»: их гармония и соответствие друг другу	Отношение «человек и социум»: организация системы социальных отношений
Направление развития, движения общества	По направлению к реализации высшего принципа, абстрактного начала, идеи гармонии	Движение как социальное распространение, экспансия, захват, но понимаемое часто, как общественный прогресс
Особенности культуры	Предполагает наличие жесткой системы мировоззренческих ограничений	Предполагает отсутствие жесткой системы мировоззренческих ограничений, их преодоление
Характер образования	Философско-фундаментальный	Практико-ориентированный, прикладной

Конечно, следует отметить, что данная таблица довольно условна, поскольку период античности не отличался, к сожалению, должной полнотой для иллюстрации специфики представленных подходов, существующих и проявляющих себя и в наши дни. Рассматриваемый период был выбран, скорее, в качестве примера как законченный и целостный цикл в процессе общецивилизационной эволюции. В этот период еще не существовало диалектической логики, но с позиции сегодняшнего научного опыта мы можем допустить присутствие философских начал диалектики. Хотя, конечно, общая приверженность начала дедуктивности подходу диалектики, а индуктивности – формальной логике, практически незыблема и проявляется в соответствующей степени и в период античности, и в современном мире.

На основании проведенного анализа очевидно, что само значение подходов индуктивности и дедуктивности выходит далеко за пределы сферы научного познания и образования, распространяясь на всю культуру в целом и определяя строение и специфику мировоззрения. В этой связи мы можем вести речь об их значении с позиции влияния на общественное развитие, важнейшая функция в обеспечении которого принадлежит образованию, а именно конкретной организации образовательной деятельности, способной отражать в различной мере реализацию индуктивного и дедуктивного подходов.

Список литературы:

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / Аристотель / ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1975–1983.
2. Библия : в соврем. рус. пер. / пер. М. Г. Селезнев, Н. В. Кузнецова [и др.]. – М. : РБО, 2011.
3. *Демков, М. И.* История русской педагогики / М. И. Демков. – СПб., 1999.
4. *Жураковский, Г. Е.* Очерки по истории античной педагогики / Г. Е. Жураковский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1963.
5. История педагогики и образования / под ред. А. И. Пискунова. – М. : Сфера, 2001. – 512 с.
6. *Каптерев, П. Ф.* История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – Пг., 1915.
7. *Коменский, Я. А.* Учитель учителей : педагогические статьи / Ян Амос Коменский. – М. : Карапуз, 2009. – 288 с. – (Педагогика детства).
8. *Ле Корбюзье, Ш. Э.* Модульор : опыт соразмерной масштабу человека гармоничной системы мер, применимой как в архитектуре, так и в механике / Ш. Э. Ле Корбюзье. – М. : Стройиздат, 1976.
9. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики / А. Ф. Лосев. – М. : Высшая школа, 1963.
10. *Лосев, А. Ф.* Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1978.
11. *Маркс, К.* Сочинения : в 39 т. / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955–1974 гг.
12. *Платон*. Диалоги / Платон / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн ; сост. ред., и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1986. – 605 с. – (Философское наследие).
13. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла : сб. / В. Франкл / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

Spisok literatury:

1. *Aristotel'. Sochinenija* : v 4 t. / Aristotel' / red. V. F. Asmus. – M. : Mysl', 1975–1983.
2. *Biblija* : v sovrem. rus. per. / per. M. G. Seleznev, N. V. Kuznecova [i dr.]. – M. : RBO, 2011.
3. *Demkov, M. I. Istorija russkoj pedagogiki* / M. I. Demkov. – SPb., 1999.
4. *Zhurakovskij, G. E. Oчерki po istorii antichnoj pedagogiki* / G. E. Zhurakovskij. – M. : Izd-vo APN RSFSR, 1963.
5. *Istorija pedagogiki obrazovanija* / pod red. A. I. Piskunova. – M. : Sfera, 2001. – 512 s.
6. *Kapterev, P. F. Istorija russkoj pedagogiki* / P. F. Kapterev. – Pg., 1915.
7. *Komenskij, Ja. A. Uchitel' uchitelej : pedagogicheskie stat'i* / Jan Amos Komenskij. – M. : Karapuz, 2009. – 288 s. – (Pedagogika detstva).
8. *Le Korbjuz'e, Sh. Je. Modulor : opyt sorazmernoj masshtabu cheloveka garmonichnoj sistemy mer, primenimoj kak v arhitekture, tak i v mehanike* / Sh. Je. Le Korbjuz'e. – M. : Strojizdat, 1976.
9. *Losev, A. F. Istorija antichnoj jestetiki* / A. F. Losev. – M. : Vysshaja shkola, 1963.
10. *Losev, A. F. Jestetika Vozrozhdenija* / A. F. Losev. – M. : Mysl', 1978.
11. *Marks, K. Cochinenija* : v 39 t. / Karl Marks, Fridrih Jengel's. – 2-e izd. – M. : Politizdat, 1955–1974 gg.
12. *Platon. Dialogi* / Platon / per. s drevnegrech. S. Ja. Shejnman-Topshtejn ; sost.. red., i avt. vstup. st. A. F. Losev. – M. : Mysl', 1986. – 605 s. – (Filosofskoe nasledie).
13. *Frankl, V. Chelovek v poiskah smysla : sb.* / V. Frankl / obshh. red. L. Ja. Gozmana, D. A. Leont'eva. – M. : Progress, 1990. – 368 s.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2015, № 1